

УДК 343.2/7

И. О. ГРУНТОВ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются вопросы развития учения о вине в науке уголовного права и законодательстве начиная с советского периода до настоящего времени. Показываются этапы и периоды этого эволюционного процесса. Раскрывается содержание, подходы и сущность психологической и оценочной концепций вины. Показывается возможность законодательного определения вины.

I. O. GRUNTOV

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING OF AN ENTITY AND CONTENT OF GUILTY MIND IN CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS ONCE AGAIN

The article considers the questions of development of the doctrine of guilty mind in science of criminal law and legislation since the Soviet period up to the present problem. The stages and periods of this evolutionary process are shown. Maintenance, approaches and essence of psychological and evaluation concepts of guilty mind is revealed. The possibility of legislative determination of fault guilty mind is shown.



ГРУНТОВ

Игорь Олегович,

заведующий кафедрой уголовного права
юридического факультета БГУ, доктор
юридических наук, доцент

Введение

Вина является важнейшим признаком преступления. В соответствии с ч. 5 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) человек подлежит уголовной ответственности только за совершенные им общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные уголовным законом, в отношении которых установлена его вина, то есть умысел или неосторожность.

Таким образом правовое значение вины состоит в том, что она позволяет установить основание для привлечения совершившего общественно опасное посягательство человека к уголовной ответственности. Помимо этого вина помогает точно квалифицировать содеянное лицом, предоставляет возможность разграничивать смежные по объекту и объективной стороне преступления, влияет на степень общественной опасности совершенного посягательства и на индивидуализацию наказания.

Основная часть

Несмотря на важность и практическую значимость этого правового института, в научной литературе до сих пор некоторые вопросы о сущности и содержании вины носят дискуссионный характер. Не вносят ясность в этот вопрос некоторые публикации отечественных и зарубежных исследователей, поэтому рассмотрим указанные вопросы более подробно.

В современной мировой юридической литературе существует большое количество различных теоретических концепций вины. Среди них исследователи выделяют три основные: 1) теория опасного состояния (при которой вина подменяется опасным состоянием личности, когда совершенное противоправное деяние является своео-

бразно проявившимся симптомом опасного состояния личности); 2) оценочная концепция вины (когда вина выступает в качестве родового понятия умысла и неосторожности и основания ответственности; вина в качестве основания состоит в упреке суда по отношению к поведению обвиняемого, в отрицательной оценке его судом как противоречащего нормативному предписанию); 3) психологическая теория (при которой вина рассматривается как родовое понятие умысла и неосторожности и представляет собой психическое отношение лица к своему деянию и наступившим последствиям, выразившееся в форме умысла или неосторожности) [1–4].

Эти концепции в определенной мере оказали и оказывают влияние на учение о вине в отечественной юридической литературе. Развитие учения о вине в уголовно-правовой литературе и законодательстве прошло определенные периоды развития. Условно в этом эволюционном процессе в период с 1820-х гг. до окончания Второй мировой войны в научной литературе выделяют два основных этапа: 1) 1820-е гг., когда под влиянием социологической школы уголовного права происходило отрицание психологического понятия вины; 2) 1930-е гг., когда вина рассматривалась как родовое понятие умысла и неосторожности [5].

Для первого этапа развития характерно, что в учебниках по уголовному праву, изданных в этот период, вина рассматривалась как основание ответственности и понималась как совокупность заложенных в лице психических факторов, которые породили его осуждение [6, 7].

В последующие годы работам многих криминалистов было свойственно отрицание общего определения вины и признание умысла и неосторожности как условия уголовной ответственности. Так, М. М. Гродзинский отмечал,

что «советский УК, сохраняя понятие умысла и неосторожности, нисколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывает не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля» [8].

Впервые понятие вины как психического отношения виновного лица к преступному деянию в форме умысла или неосторожности было дано А. А. Пионтковским в учебнике «Уголовное право РСФСР», изданном в 1925 г. Такой же подход был изложен во многих последующих изданиях учебников по уголовному праву (Уголовное право. Общая часть. М., 1938; Уголовное право. Общая часть. М., 1939; Уголовное право. Общая часть. М., 1943 [9]; Уголовное право. Общая часть. М., 1948 [10] и др.).

В законодательстве этого периода понятие вины отсутствовало вовсе. Вместе с тем в ряде законов имеются определения умысла и неосторожности. Так, в Руководящих началах 1919 года не раскрывалось непосредственно содержание умысла и неосторожности, однако в ст. 12 п. «в» суду предлагалось различать, «совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по неведению и несознательности», а п. «з» – устанавливать, «обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности» [11]. В Основных началах уголовного законодательства 1924 года в ст. 6 говорилось, что наказания применяются лишь в отношении лиц, которые: «а) действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление или б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия» [12]. Уголовный кодекс БССР 1928 года в ст. 9 повторял определение умысла и неосторожности, данное в Основных началах [13]. Такое же положение имело место и в УК других союзных республик СССР (например, ст. 10 УК РСФСР 1926 года) [14]. Недостатком этого периода развития являлось отсутствие общего определения вины в научной литературе и законодательстве.

После Второй мировой войны развитие учения о вине имело свои особенности. По мнению В. М. Хомича, «в отечественной (национальной) и зарубежной доктринах уголовного права (классической и постклассической) сущность и обоснование вины всегда определялись и определяются на основе психологической природы вины. Точнее, с одной стороны, на социальных компонентах состояния психики человека и их инвариантности – способности порождать или быть причиной отклонений поведения человека от требуемых социальных стандартов, а с другой – на психологической возможности не допускать таких отклонений» [15].

Данное суждение не соответствует действительности. Дело в том, что «в послевоенные годы вопросам вины в праве было посвящено множество работ. Их условно можно разделить на две группы по принципиально отличительному подходу к пониманию вины: психологическому и оценочному» [16]. Кроме того, в научной литературе отмечают, что «эти две основные концепции вины...ино-

гда дополняют третьей – теорией опасного состояния личности...». Данная теория вряд ли может быть отнесена к теориям вины, так как показатели «опасного состояния» разнообразны, и само это состояние рассматривается как основание применения уголовно-правовых мер вне связи с виной, и вообще – с преступлением» [17].

Рассмотрим основные элементы содержания психологической теории вины. По мнению А. И. Рагога, «вина в соответствии с ее психологическим пониманием, господствующим в отечественной науке, – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям» [18]. Вину как психическое отношение человека к совершаемому им общественно опасному деянию, его общественно опасным последствиям и другим юридически значимым обстоятельствам определяет В. В. Лунеев [19].

Более широкое определение вины дает В. Я. Якушин: «вина – это правовая категория, обозначающая связь внутреннего мира человека с совершаемым противоправным деянием в виде психического отношения к нему в определенных формах и являющаяся в силу этого одним из оснований субъективного вменения, квалификации содеянного, определения содержания и пределов уголовной ответственности за это деяние. Если это доктринальное определение переложить на язык закона, то УК РФ можно было бы дополнить статьей следующего содержания... Вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности» [20].

Помимо этого в литературе при характеристике вины используют такие понятия, как форма вины, объем, сущность и степень вины. Как отмечается, основными признаками психической деятельности человека являются сознание (интеллектуальный) и воля (волевой признак). Содержание интеллектуального признака вины зависит от способа законодательного описания посягательства. В него входит осознание характера объекта, фактического содержания и социального значения совершаемого деяния. При совершении посягательств с материальной конструкцией объективной стороны в интеллектуальный элемент вины входит также предвидение либо возможность предвидения последствий. Предметом волевого отношения субъекта является тот же круг фактических обстоятельств, составляющих предмет интеллектуального отношения [21]. Волевой элемент означает то, как человек относился в момент совершения посягательства к тем фактическим обстоятельствам, которые им осознавались и предвиделись.

Форма вины – это установленные законом сочетание интеллектуального и волевого признаков, свидетельствующих об отношении человека к совершаемому им деянию и его последствию. В ст. 21 УК Беларуси содержится описание двух форм вины – умысла и неосторожности. В научной литературе отмечают, что социальную сущность вины составляет отрицательное (характерно для

умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (характерно для неосторожности) психическое отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии. Под объемом вины в литературе понимают совокупность психических отношений виновного ко всем юридически значимым объективным признакам. Этот признак отражает конкретные пределы содержания вины [22].

Под степенью вины понимают количественную характеристику социальной сущности умысла и неосторожности (вины), которая отражает различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего преступления. Степень вины определяется в зависимости от ее формы и вида, от объема и определенности сознания совершаемого деяния, характера предвидения последствий, от содержания волевого отношения к тому, что осознавалось и предвиделось лицом, от обязанности их предвидеть или причин их непредвидения, от мотива и цели, выбора способов и средств их достижения и других обстоятельств содеянного, которые влияют на глубину отрицательного, пренебрежительного или недостаточно бережного отношения лица к ценностям, охраняемым уголовно-правовой нормой, и отражают различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего посягательство [23].

Обобщая, можно выделить следующие основные признаки психологической теории вины: 1) вина имеет психологическое содержание, характеризующееся интеллектуальным и волевым отношением к совершенно обществу опасному посягательству; 2) различное сочетание интеллектуального и волевого элементов образуют формы вины (умысел и неосторожность), в рамках которых существуют виды умысла и неосторожности; 3) вина – явление объективной реальности для субъекта, применяющего уголовный закон и других лиц; 4) вина познаваема; ее доказывание – это составная часть установления истины по уголовному делу [24].

В литературе имеются отдельные предложения дополнить (улучшить) психологическую теорию вины. Так, по мнению М. И. Еникеева, вина есть «психическое содержание противоправного действия вменяемой личности, выраженное в несоответствии ее целей и побуждений, способов и результатов нормам права... Умысел – форма вины, характеризующаяся преступными целями, способами и результатами деяния. Неосторожность – форма вины, характеризующаяся преступным способом и результатом деяния» [25]. Данное определение подвергалось критике, так как в этой дефиниции смешаны субъективные признаки деяния с объективной стороной посягательства [26].

По-видимому, к группе ученых, предлагающих дополнить психологическую теорию вины, следует отнести отечественного исследователя В. М. Хомича. По его мнению, «психологическая концепция вины исходит из сложной биосоциальной природы человека. Суть концепции в том, что она обращена не к человеку как огромному насекомому с присущей ему рефлекторно импульсивной психикой, а к психике человека как разумного творения, обладающего интеллектуально воспроизводящим (формирующим) и интеллектуально преобразующим сознанием, которое влияет на физическую и социальную реаль-

ность, в том числе и на его собственное существование. Сущность и обоснование вины в рамках психологической концепции усматриваются в особых свойствах и способностях психики человека – наличии механизма психологической мотивации выбора и управления своим поведением с учетом личностной свободы действовать по своему усмотрению. При этом психологический процесс выбора рассматривается с позиции не механического отражения окружающей действительности (здесь перепаханное мокрое поле и чтобы не застудить ноги, лучше идти по дороге), т. е. не с позиции исключительно сохранения себя как биологического существа... Категория «вина» есть особое психологическое состояние человека, обусловленное его неправильным (асоциальным) поведенческим выбором при наличии свободой возможности сделать и осуществить правильный поведенческий выбор. Это упречное психологическое состояние человека и есть психологический момент вины независимо от того, проявляет конкретный человек, совершивший плохой поступок, чувство вины, мучается он угрызениями совести или нет – до, или во время, или после совершения правонарушающего деяния» [27].

Не берусь комментировать это авторское понимание психологической теории. Предложенная формула существенно отличается от понимания психологической концепции вины, сложившейся в настоящее время в литературе, да и форма ее изложения трудна для понимания и понятного логического толкования. Это дополнение требует глубокого неторопливого осмысления для того, чтобы понять, о какой концепции вины идет речь (психологической, оценочной или теории опасного состояния).

Рассмотрим основные элементы содержания оценочной теории вины. Представление ученых об оценочной концепции вины в литературе подразделяют на две группы. Одни исследователи оценочную теорию вины трактуют как оценку судом всех объективных и субъективных обстоятельств, связанных с преступлением, другие под виной понимают морально-политическую оценку общественно опасного посягательства.

По этому поводу А. А. Пионтковский пишет: «первая попытка внести оценочное понимание вины в советскую теорию уголовного права была сделана после окончания Великой Отечественной войны» [28]. Наиболее полное развитие оценочная теория вины получила в работах Б. С. Утевского и Т. Л. Сергеевой.

Так, Б. С. Утевский, определяя вину с позиции оценочной теории, писал, что понятие вины как общего основания уголовной ответственности включает следующие признаки: «1. Наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления. 2. Отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени социалистического государства всех этих обстоятельств. 3. Убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность. Таким образом, вина как общее основание уголовной ответственности – это совокупность обстоятельств, заслужива-

ющих, по убеждению суда, отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени социалистического государства и требующих уголовной ответственности подсудимого. Это определение позволяет установить, что понятие вины как общего основания уголовной ответственности шире, чем понятие вины как субъективной стороны состава преступления...» [29].

По мнению Т. Л. Сергеевой, «вина есть вызывающее осуждение и порицание советского социалистического государства и советского социалистического общества психическое отношение в форме умысла или неосторожности вменяемого и достигшего определенного возраста человека к совершаемому им объективно общественно-опасному деянию, зависящее от данного человека и являющееся субъективной причиной совершения преступления» [30].

Работы Б. С. Утевского и Т. Л. Сергеевой были обусловлены желанием преодолеть формально-психологический характер понимания вины (только как сугубо психического отношения к фактическим обстоятельствам совершенного посягательства), сложившийся в литературе. Выводы этих исследователей привели к появлению в теории уголовного права узкого и широкого понимания вины. В дальнейшем Т. Л. Сергеева предложила различать два понятия: вину как элемент субъективной стороны состава преступления и виновность как совокупность объективных и субъективных обстоятельств, обосновывающих применение к лицу конкретного наказания [31].

После появления научных работ этих ученых основные положения данной концепции на страницах юридической и партийной печати были подвергнуты серьезной критике [32]. Итоги дискуссии о вине были подведены в редакционной статье «О состоянии и задачах науки советского уголовного права» журнала «Советское государство и право» (№ 2 за 1955 г.). В статье отмечалось, что прошедшая дискуссия о вине показала теоретическую ошибочность и практическую вредность для укрепления законности оценочного понимания вины. В статье говорилось, что вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию в форме умысла или неосторожности. Без этого психического момента понимания вины не может быть [32].

После дискуссии 1950-х гг. о сущности вины в научной литературе снова стали появляться публикации, в которых содержание субъективной стороны рассматривалось с позиции оценочной теории вины. Первой такой работой была статья И. С. Ноя «Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий». Автор отмечал: «Проблема виновности в начале 50-х годов приобрела острый дискуссионный характер. Главным ее аспектом стала концепция “двух вин” в уголовном праве – вины и виновности. Возникновение такой концепции вызвано, видимо, той неудовлетворенностью, которую испытывали ученые, видя ошибочность отождествления вины с умыслом и неосторожностью, и их нерешительностью в отношении пересмотра традиционной формулы состава преступления, в которой вине отводилась роль лишь одного из элементов, сводившегося к умыслу и неосторожности... Сущность проблемы в том, что в действующем законодательстве виновность (вина) сведена к умыслу и

неосторожности... поэтому представляется важным выработать понятие уголовной виновности и закрепить его в уголовном законодательстве...» [33].

В 1990-х гг. была опубликована научная работа, в которой также было дано оценочное понимание содержания вины. Так, С. Е. Данилюк в автореферате кандидатской диссертации писал, что «смысл вины... заключается в предъявлении упрека со стороны общества лицу, совершившему противоправное деяние. Обосновать упрек можно лишь в том случае, если лицо проявило отрицательное (характерное для умысла) или небрежности (свойственное неосторожности) отношение к охраняемым уголовным законом основным ценностям и благам общества» [34].

В более поздних работах С. Е. Данилюк отмечает: «Следует согласиться с выводом... о том, что оценочное понимание вины, разработанное весьма полно в доктрине западных государств, дает возможность ответить на все проблемные вопросы, связанные с концепцией вины, и позволяет эффективно применять нормы, учитывающие оттенки субъективного отношения лица к содеянному...» [35].

Далее он пишет, что «анализ ст. 26 Основного Закона, рассмотренной в системном единстве со взаимосвязанными положениями норм материального и процессуального права, свидетельствует, что понятие “виновность” по смыслу Конституции Республики Беларусь и норм УПК не совпадает с понятием “вина” как элементом субъективной стороны состава преступления. Виновность является социально-правовой категорией, понимаемой нами в ценностно-нормативном аспекте, и помимо всех юридически значимых признаков субъективной стороны состава преступления (вина, мотив, цель, эмоциональное состояние лица) включает в себя и иные существенные обстоятельства дела, относящиеся к другим элементам состава преступления (объект, объективная сторона, субъект), а в ряде наиболее сложных случаев требует учета и иных факторов, находящихся за рамками состава преступления. При этом чрезвычайно важной представляется оценка поведения обвиняемого через призму господствующих в обществе морально-нравственных представлений» [36].

Еще один белорусский исследователь А. В. Барков по поводу оценочной теории вины отмечает, что «в азарте борьбы с оценочной теорией вины, обрушиваясь с критикой на идеи Б. С. Утевского, советские криминалисты исподволь отеснили нравственную оценку содеянного на задний план, акцентируя внимание правосудия на констатации наличия в деянии признаков состава преступления, на квалификации преступления, на назначении наказания или иных мер уголовной ответственности. В настоящее время ученые-криминалисты приблизились к констатации того, что уголовная ответственность воплощает в себе единство отрицательной правовой и нравственной оценки деяния и его исполнения» [37].

Аналогично оценивает психологическую теорию вины В. М. Хомич. Он пишет, что «для индивидуализации уголовной ответственности психологическая концепция вины, принятая в отечественном уголовном праве и практике правосудия по уголовным делам, недостаточна. Если при индивидуализации меры уголовной ответственности суд будет исходить только из психологической природы вины на основе оценки социальных факторов, предпо-

деливших преступное поведение, то правосудие всегда (желает оно этого или же не желает) будет склоняться к жестко возмездным началам» [38].

Многие российские ученые также критически относятся к психологической теории вины. Так, С. В. Склярлов предлагает рассматривать вину не как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному посягательству, а как оценку судом субъективных признаков преступного деяния [39]. Д. А. Чанышев отмечает, что «выдвинутая в советском уголовном праве Б. С. Утевским теория, в соответствии с которой вина является не только субъективной стороной преступления, но и основанием уголовной ответственности, не противоречит ни ч. 2 ст. 5, запрещающей объективное вменение, ни ст. 8 УК РФ, предусматривающей в качестве основания ответственности совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ» [40]. Такую же позицию занимают и другие исследователи [41].

Рассматривая данный вопрос, необходимо отметить, что в последнее время в российской научной литературе некоторые ученые предлагают совершенствовать и определение умысла как вида определенной формы вины. Отдельные исследователи предлагают изменить содержание интеллектуального признака умысла. Так, В. В. Лунев отмечает, что «по действующему законодательству от субъекта требуется сознание общественной опасности деяния и его последствий. Полагать, что субъект при совершении преступления задумывается над общественной опасностью своего деяния – значит впасть в уголовно-правовую иллюзию, которая держится на идеализации социально-правовой действительности и высокого правосознания наших граждан. Единственной реальностью для правонарушителя является возможное знание противоправности деяния, но ее в формуле вины ...нет. Введение в формулу вины признака сознания уголовной противоправности деяния – путь к преодолению имеющихся элементов объективного вменения» [42].

Другой российский исследователь С. В. Склярлов пишет, что «для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно установить, что оно, совершая преступление, сознавало, что его действия нарушают общепринятые правила поведения либо то, что виновный пренебрегает мерами предосторожности при совершении действий, могущих нанести вред окружающим» [43].

Некоторые ученые предлагают исключить из законодательной модели умысла волевой признак. Так, Н. Г. Иванов отмечает: «воля, которая в законодательном определении умысла определяется термином “желание” или “сознательное допущение”, представляет собой специфическую потребность и как таковая не рассматривается психологами в качестве одной из форм отражения действительности. В психологии считается, что воля, отражаясь в головном мозге, включается в сознание, осознается. В связи с этим получается весьма оригинальная картина применительно к трактовке умысла: субъект сознает общественную опасность своего поведения, сознает потребность в виде желания, которое им владеет и направляет все его поступки, и желает действовать...» Исходя из этого, ученый считает, что при определении умысла не следует указывать на волевое отношение лица к наступившим последствиям. По

его мнению, преступление должно признаваться умышленным, «...если субъект, его совершивший, сознавал общественно опасный и противоправный характер своего действия или бездействия» [44].

Другой исследователь – М. И. Еникеев – определяет умысел как форму вины, характеризующуюся преступными целями, способами и результатами деяния [45].

Как считает С. В. Склярлов, целесообразно отказаться от включения в формулу умысла волевого признака и предлагает понимать эту форму вины в ст. 25 УК РФ следующим образом: «2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения, и предвидело неизбежность причинения вреда охраняемым настоящим Кодексом правам и интересам. 3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения, и предвидело возможность причинения вреда охраняемым настоящим Кодексом правам и интересам» [46].

Отечественный ученый В. П. Шиенок также критикует законодательную модель умысла и психологическую концепцию вины. По мнению исследователя, легальное определение умышленной формы вины не дает для правоприменителя понятную уголовно-правовую модель субъективной стороны посягательства. «Основная причина такого положения – использование законодателем... ряда строго неопределенных, неюридических, дискуссионных терминов и положений». По мнению автора, «уголовный закон нашей страны формулирует понятие вины только с позиции лица, совершившего противоправное деяние. Однако насколько правомерен такой подход в принципе? Методологически он выглядит несколько абсурдным, так как психическое отношение лица в момент совершения преступления, а значит, духовное, глубоко внутреннее, сокровенное необходимо установить по косвенным, неоднозначным признакам, ведь “чужая душа – потемки”. Реальна ли такая задача? Как уже отмечалось ранее, – пишет ученый, – ответ скорее отрицательный. Чисто теоретически, когда обвиняемый, подсудимый полностью сотрудничает со следствием, в достаточном количестве имеются очевидцы и иные свидетели происшедшего, есть определенные шансы разобраться с психическим отношением к содеянному, обстоятельствам и последствиям. Но такие ситуации редкость. По этой причине установление вины с позиций психологической школы выглядит как некая сверхзадача, которая практически не может быть реализована» [47].

По многим актуальным и спорным вопросам, затронутым в данной статье, автор этой публикации высказал свое мнение в двух монографиях, докторской диссертации и ряде статей [48]. В связи с этим нет необходимости вновь возвращаться к этим проблемам, тем более что границы данной публикации не позволяют этого сделать.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что научные поиски о природе и сущности вины, по-видимому, еще далеки от завершения. В литературе высказано мнение, что перспективными считаются разработки, основанные на синтезе известных теорий вины [49]. Вместе с тем правы и те исследователи, которые при этом отме-

чают, что нельзя в процессе этой деятельности забывать о приоритетности понимания вины как психологической стороны общественно опасного посягательства, которое служит объективным основанием установления уголовной ответственности [50].

Заключение

Вина является ядром субъективной стороны. Уголовно-правовая квалификация невозможна без единообразного понимания вины. В связи с этим необходимо затронуть вопрос о легальном определении вины. В период существования единого федеративного государства СССР в УК всех пятнадцати союзных республик не давалось определения вины. После распада СССР и возникновения ряда независимых государств ситуация несколько изменилась. В УК некоторых стран СНГ было дано определение вины.

По этому поводу российский исследователь А. И. Рарог пишет: «Лишь некоторые УК стран, ранее входивших в состав СССР, содержат легальное определение вины. Так, в ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь вина определяется как “психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности”». Аналогичное, но несколько более полное, определение вины дается в ст. 23 УК Украины: “Виной признается психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, предусмотренному настоящим Кодексом, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности”. Психологическое понимание вины, нашедшее закрепление в Уголовных кодексах Республики Беларусь и Украины, преобладает и российской уголовно-правовой науке» [51].

Сравнивая легальное определение вины в УК Украины и УК Беларуси, следует сказать, что законодательная формула этого явления более полная в УК Украины. Дело в том, что в ст. 23 УК говорится о психическом отношении лица к своему действию или бездействию и наступившим последствиям. В ч. 1 ст. 21 УК Беларуси – только об отношении к общественно опасному деянию. Такое определение вины не учитывает, что в УК имеется значительное количество составов преступлений с материальной конструкцией объективной стороны.

Вместе с тем нельзя признать удачным понятие вины в отечественном УК в силу еще одного обстоятельства. Как уже отмечалось ранее, в ст. 22, 23 и 24 УК определение умысла и неосторожности дается с психической и социально-психической стороны. Вина в соответствии с действующим законом является родовым понятием умысла и неосторожности. В связи с этим в понятие вины должны включаться все качественные признаки, характерные для определяемого явления (умысла и неосторожности).

В российской литературе также имеются предложения законодательного определения вины. Так, В. А. Нерсесян предложил в ст. 24 УК России сформулировать это следующим образом: «Вина – это предусмотренное уголовным законом психическое отношение человека в форме умысла или неосторожности к совершаемому им преступному деянию и его общественно опасным последствиям,

выражающее негативное отношение к принятым в обществе ценностям» [52].

Представляется, что эта дефиниция, как и в УК Беларуси, недостаточно полно отражает содержание вины. Например, в ней отсутствуют различные отношения к социальным ценностям, характерные для умысла и неосторожности. Используемый единый термин «негативное отношение» не в полной мере отражает особенности психического отношения к охраняемым основным ценностям в обществе при неосторожной форме вины. Недостаточно внимательное отношение к ним трудно назвать негативным отношением.

Имеются и другие предложения легального определения вины. Например, М. И. Еникеев считает, что вина – это «психическое содержание противоправного действия вменяемой личности, выраженное в несоответствии ее целей и побуждений, способов и результатов нормам права» [53].

В ч. 1 ст. 24 УК РФ А. Х. Сатушиев предлагает закрепить следующее признаки вины: «Вина является сознательно-волевым отношением вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности, к фактическому содержанию совершаемых действий (бездействия), признаваемых настоящим Кодексом противоправными, а также к вредным последствиям, предписанным в настоящем Кодексе как общественно опасные. Сознательно-волевое отношение лица к преступлению определяется в форме умысла или неосторожности» [54].

Говоря о дефиниции вины в УК, В. В. Лютик пишет: «Учение о вине в своем историческом развитии прошло долгий и противоречивый путь. На наш взгляд, необходимость непреложного установления вины у криминального правонарушителя следует признать как выдающееся достижение уголовно-правовой науки в цивилизованном мире. В этой связи... есть необходимость законодательного закрепления в УК РК формулировки понятия вины, под которой следует понимать сознательно-волевое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им преступному деянию и его общественно опасным последствиям, выражающее негативное отношение к принятым в обществе ценностям» [55].

Подводя некоторый итог сказанному, следует отметить, что определение вины в уголовном законе должно соответствовать законодательной модели умысла и неосторожности. Как уже отмечалось, в определении форм вины говорится о психических и социально-психических признаках этих явлений. В связи с этим родовое понятие должно включать все качественные свойства определяемых явлений. С учетом сказанного, предлагаем ч. 1 ст. 21 УК Беларуси сформулировать в следующей редакции: «1. Вина – это интеллектуальное и волевое отношение субъекта к совершаемому им деянию и наступившему последствию, выражающее отрицательное (характерное для умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (свойственное для неосторожности) отношение к социальным ценностям, охраняемым настоящим Кодексом».

Список использованных источников

1. Маньковский, Б. С. Проблемы ответственности в уголовном праве / Б. С. Маньковский. – М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 5–42.

2. Маньковский, Б. С. Вопросы вины в советском уголовном праве / Б. С. Маньковский // Советское государство и право. – 1951. – № 10. – С. 45–54.
3. Сайто, К. Японское уголовное право / К. Сайто // Современное зарубежное уголовное право. Аргентина. Дания. Япония. Югославия. – М. : Иностранная лит., 1957. – Том первый. – С. 331–332.
4. Пиотковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пиотковский. – Юрид. лит. – М., 1961. – С. 315–323.
5. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – С. 77–78.
6. Немировский, Э. Я. Основные начала уголовного права / Э. Я. Немировский. – Одесса, 1917. – С. 190–191.
7. Герцензон, А. А. Пути развития советской науки уголовного права за 30 лет / А. А. Герцензон // Советское государство и право. – 1947. – № 11. – С. 78. Цит. по книге: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во «Наука», 1978. – С. 81.
8. Гродзинский, М. М. Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестн. советской юстиции, 1927. – № 17. – С. 585. Цит. по книге: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во «Наука», 1978. – С. 82.
9. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во «Наука», 1978. – С. 83, 87.
10. Уголовное право. Общая часть / А. А. Герцензон [и др.]; под науч. ред. В. Д. Меньшагина. – М. : Министерство юстиции СССР, 1948. – С. 334–338.
11. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 г. // СУ РСФСР, 1919 г. – № 66. – Ст. 590.
12. Основные начала уголовного законодательства СССР. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 205.
13. Уголовный кодекс БССР. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства БССР. – № 30. – 12 нояб. 1928 г. – Ст. 288.
14. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 ноября 1946 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. – 223 с.
15. Хомич, В. М. Безуспешный методологический анализ вины в национальной юриспруденции / В. М. Хомич // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2017. – С. 368.
16. Уголовное право. Общая часть. Преступление : акад. курс : 10 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. В. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления. – С. 22; см. также: Курс советского уголовного права. Часть общая / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л., 1968. – Т. 1. – С. 406–407; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой [и др.]. – М., 1993. – С. 155; Назаренко, Г. В. Русское уголовное право. Общая часть : курс лекций / Г. В. Назаренко. – М., 2000. – С. 85.
17. Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой; Федер. гос. авт. образов. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2 / авт. коллектив тома: Н. В. Висков [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 184–185; см. также: Симонова, Е. А. Вина в уголовном праве и законодательстве России / Е. А. Симонова // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции : Сателлит, 2005. – С. 295–398; Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. – Т. I. Общая часть. – М. : Изд-во Юрайт, 2011. – С. 597–598.
18. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. – С. 64.
19. Лунеев, В. В. Субъективное вменение / В. В. Лунеев. – М., 2000. – С. 12.
20. Якушин, В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В. А. Якушин. – Тольятти : ТолПИ, 1998. – С. 122.
21. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – С. 67.
22. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 466.
23. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – С. 325.
24. Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой; Федер. гос. авт. образов. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2 / авт. коллектив тома : Н. В. Висков [и др.]. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 185; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб. : Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 463 и др.
25. Еникеев, М. И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости / М. И. Еникеев // Сов. государство и право. – 1989. – №12. – С. 79.
26. Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой; Федер. гос. авт. образов. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2. – С. 186; Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – С. 211.
27. Хомич, В. М. Безуспешный методологический анализ вины в национальной юриспруденции / В. М. Хомич // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики. – С. 368–369.
28. Пиотковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пиотковский. – М. : Юрид. лит., 1961. – С. 315–323.
29. Утевский, Б. С. Вина в советском уголовном праве / Б. С. Утевский. – М. : Госюриздат, 1950. – С. 103–104.
30. Сергеева, Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам / Т. Л. Сергеева. – М. : Госюриздат, 1950. – С. 34.
31. Сергеева, Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам / Т. Л. Сергеева. – С. 34.

32. Маньковский, Б. С. Советская социалистическая законность и понятие вины в уголовном праве / Б. С. Маньковский // Социалистическая законность. – 1951. – № 5. – С. 16; Маньковский, Б. С. Реакционная неокантианская теория финального уголовного права / Б. С. Маньковский // Советское государство и право. – 1959. – № 4. – С. 97–106; Пионтковский, А. А. Против извращения понятия вины по социалистическому уголовному праву / А. А. Пионтковский // Социалистическая законность. – 1952. – № 2. – С. 8–22; Вышинский, А. Я. Некоторые вопросы науки советского права / А. Я. Вышинский // Советское государство и право. – 1953. – № 4. – С. 23; Пионтковский, А. А. Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса / А. А. Пионтковский, В. М. Чхиквадзе // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 27–28.
33. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – С. 338.
34. Ной, И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий / И. С. Ной // Советское государство и право. – 1982. – № 7. – С. 94–95.
35. Данилюк, С. Ошибка в противоправности деяния и ее уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Данилюк. – М., 1990. – С. 15–16.
36. Данилюк, С. Е. Конституционный принцип презумпции невиновности и уголовно-правовые проблемы вины / С. Е. Данилюк // Теоретические и прикладные проблемы применения уголовного закона : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. Э. А. Саркисовой. – Минск : Акад. МВД, 2011. – С. 53.
37. Данилюк, С. Е. Проблема виновности в уголовном праве: опыт конституционного осмысления [Электронный ресурс] / С. Е. Данилюк // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
38. Барков, А. В. Реализация этических начал в уголовном законодательстве / А. В. Барков // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : Право и экономика, 1999. – С. 8.
39. Хомич, В. М. Уголовно-правовая характеристика и криминологическая оценка системы уголовных санкций в Республике Беларусь / В. М. Хомич // Ситуация в местах лишения свободы в Республике Беларусь. Оценка достижений и проблем, перспективы реформирования : сб. ст. и материалов. – Penal Reform International, 2008. – С. 1.
40. Складов, С. Проблема определения понятия вины в уголовном праве России / С. Складов // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 74.
41. Чанышев, Д. А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. А. Чанышев ; Дальневосточ. гос. ун-т. – Владивосток, 2009. – С. 7.
42. Лунеев, В. В. Субъективное вменение / В. В. Лунеев. – М. : Спарк, 2000. – С. 29–30; Гарбатович, Д. Природа вины при превышении пределов необходимой обороны / Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 18–20 и др.
43. Лунеев, В. В. Субъективное вменение / В. В. Лунеев. – М. : Спарк, 2000. – С. 34–35.
44. Складов, С. В. Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Складов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 31.
45. Иванов, Н. Г. Умысел в уголовном праве России / Н. Г. Иванов // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 16.
46. Еникеев, М. И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости / М. И. Еникеев // Советское государство и право. – 1989. – № 12. – С. 79.
47. Складов, С. В. Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Складов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 31.
48. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : моногр. / В. П. Шиенок. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 140, 148.
49. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.; Грунтов, И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства / И. О. Грунтов. – Минск : БГУ, 2017. – 199 с.; Грунтов, И. О. История и современные подходы в понимании содержания вины в отечественной науке уголовного права и законодательстве / И. О. Грунтов // Судовы веснік. – 2007. – № 4. – С. 62; Грунтов, И. О. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель умысла / И. О. Грунтов // Судовы веснік. – 2008. – № 4. – С. 42–48; Грунтов, И. О. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель неосторожности / И. О. Грунтов // Судовы веснік. – 2008. – № 2. – С. 56–61; Грунтов, И. О. Составы преступлений против жизни в свете принципа субъективного вменения / И. О. Грунтов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол. : А. В. Барков [и др.] – Минск : БГУФК, 2010. – С. 156–187 и др.
50. Сатушиев, А. Х. Актуальные проблемы концепции вины в уголовном праве и вопросы их преемственности / А. Х. Сатушиев // Юристы-Правоведь. – 2007. – № 4. – С. 38.
51. Актуальные проблемы уголовного права [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для магистрантов юрид. вузов : в 3 т. / под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Лобановой; Федер. гос. авт. образов. учреждение высш. проф. образования «Волгогр. гос. ун-т», Ин-т права. – Т. 2. – С. 193.
52. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 64.
53. Нерсесян, В. А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Нерсесян ; Московская государственная юридическая академия. – М., 2006. – С. 7.
54. Еникеев, М. И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости / М. И. Еникеев // Советское государство и право. – № 12. – 1989. – С. 79.
55. Сатушиев, А. Х. Принцип субъективного вменения в конструировании уголовно-правовых норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Х. Сатушиев ; Ростовский юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2008. – С. 7.
56. Люцик, В. В. К вопросу о законодательном закреплении в Уголовном кодексе Республики Казахстан формулировки «понятие вины» / В. В. Люцик // Экономика и право Казахстана. – 2007. – № 11. – С. 4.

29.05.2017